

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕЛЛИНЕН

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5648-6877; nataliapellinen@gmail.com

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РЕБЕНКА-СИРОТЫ (на карельских диалектных материалах)

А н н о т а ц и я . С позиций этнолингвистики анализируется лексика карельского языка, связанная с образом ребенка-сироты. С помощью приемов этимологического и сопоставительного анализа, а также методов лингвистической реконструкции делается попытка осмыслить природу прямых именований (например, *orbo* ‘сирота’, *tuattopuoli* ‘отчим’), а также механизмы переноса значений в поэтических иносказаниях (например, *armotoi* ‘обделенный родительской лаской’). Анализируются происхождение и продуктивность суффикса *-(in)tim(A)*, *-(in)dAm*, *-(in)dim* в словообразовании терминов заместительного родства. При рассмотрении лексики привлекаются словари по карельскому и родственным ему языкам, приводятся примеры из фольклорных текстов, фразеологии и топонимии, а также полевые наблюдения автора. Анализ показывает, что словообразовательные модели лексико-семантической группы «ребенок-сирота» в карельском и других прибалтийско-финских языках являются тождественными. Важным аспектом для понимания языкового образа ребенка-сироты является прослеживаемое в части именований сочувствие к его доле, в противоположность образу незаконнорожденного ребенка.

Ключевые слова: карельский язык, этнолингвистика, словообразование, языковой образ, ребенок-сирота
Благодарности. Работа выполнена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 124022000089-4).

Для цитирования: Пеллинен Н. А. Языковой образ ребенка-сироты (на карельских диалектных материалах) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 38–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1364

ВВЕДЕНИЕ

Исследуемая автором с позиций этнолингвистики языковая картина детства у карелов сложна и многогранна. В данной статье предлагается обратиться к карельской диалектной лексике, в которой отразился языковой образ ребенка-сироты и приемного ребенка. Анализ происхождения и способов образования слов этой лексико-семантической группы (ЛСГ)¹ позволяет выявить средства, с помощью которых в языковой картине мира детства передан взгляд на ребенка, лишенного одного или обоих родителей.

Ключевой идеей этнолингвистики, методы и принципы которой использованы в исследовании, является мысль об интегральности традиционной духовной культуры, о содержательном (семантическом) единстве всех ее жанров и форм, см., например, [4]. По этой причине при анализе лексики, связанной с языковым образом ребенка, в работах автора этой статьи наряду с данными

двуязычных, этимологических и толковых словарей приводятся сведения по фольклористике, этнографии, фразеологии, а некоторые положения исследования иллюстрируются не только примерами из образцов речи, но также текстами карельского фольклора.

Используя приемы этимологического и сопоставительного анализа, а также методы лингвистической реконструкции на карельских диалектных материалах, маркирующих языковой образ ребенка-сироты, автор опирается на данные других прибалтийско-финских языков ввиду общности грамматических и лексических процессов в языках этой группы.

Большинство приводимых в работе лексем из двуязычных словарей (по вепсскому языку², ливвиковскому³, собственно карельскому⁴, людиковскому⁵ наречиям карельского языка, а также водскому языку⁶) не сопровождается ссылками на источник. Источник указывается лишь в тех

случаях, когда речь идет о показательных примерах из соответствующей словарной статьи.

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ *ORBOI*, *ORBUOI*, *ORPO*

Самая распространенная основа со значением 'сирота' в прибалтийско-финских и саамском языках отражена в лексемах ливв. *orboi*, люд. *orbuoi*, с. к. *orpo*. Надо отметить, что в диалектах слово может использоваться также в отношении взрослого человека со значением 'одинокый', например, в составе сложного слова ливв. флк. *ei ole orboiakal ni vahnan päivän varua, ni tuwčšupäivän turbua* 'нет у одинокой женщины ни надежды в старости, ни надежды в ненастный день'⁷.

Слово считают индоевропейским по происхождению и относят к той же основе, что и праарийское и праиранское **arbha-s*, которое связывают с позднеиндийским *arbha-h* 'маленький, слабый, молодой' [6: 272]. Интересно развитие основы, прослеживающееся в прибалтийско-финских языках, например, в финских диалектах производными от слова *orpo* называются глаголы *orvita* 'оттеснять, отторгать, обращаться грубо', *orvistaa* 'бросать, отторгать, держать в тени' и фитоним *orvokki* 'виола полевая, фиалка' [6: 272].

ТЕРМИНЫ РОДСТВА, ОБРАЗОВАННЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫМ СПОСОБОМ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕМ

Довольно продуктивным суффиксом, с помощью которого образуются термины заместительного родства, является формант с. к. *-(in)timA*, ливв., люд. *-(in)dAm*, *-(in)dim*, например:

ливв. *pojindam* (< *poigu* 'сын'), люд. *poigindam* (< *poig* 'сын'), с. к. *pojintima*, *po(i)jindima* (< *poika*, *poiga* 'сын') 'пасынок',

ливв. *tyttärindäm*, *tyttärdim*, люд. *tytrindam*, *tytrindim*, с. к. *tytärtimä* (< *tytär* 'дочь') 'падчерица'.

О суффиксе *-intimA* (соотнося его с вепским *-indam*) с интересом упоминает Элиас Леннрот, отмечая в своих исследованиях по словообразованию, что формант передает значение сложившихся в результате брака родственных отношений [5]. Любопытно, что в прибалтийско-финских языках данный суффикс используется не только для обозначения детей, лишившихся одного или обоих родителей, но и для обозначения мачехи и отчима:

вепс. *emindam* (< *ema*, *emä* 'самка', **мать*'), *ma-mindam* (< *mat* 'мать') 'мачеха'; *ižindam* (< *iža* 'самец', **отец*'), *tatindam* (< *tat* 'отец') 'отчим',

вод. *emintimä* (< *emä* 'мать'), 'мачеха', *izintimä* (< *iža* 'отец') 'отчим',

ливв. *ižindäm* (< *iža* 'отец'), *tuatindam* (< *tuatto* 'отец') 'отчим'; *emindämy* (< *emä* 'мать', устар.), *tuamindam* (< *tuamo* 'мать') 'мачеха' и т. д.

О продуктивности рассматриваемого аффикса свидетельствует его репрезентированность как в словах с прибалтийско-финскими основами, так и в основах, представленных славянскими заимствованиями (например, в лексемах с основой на ливв. *emä* 'мать', *ižä* 'отец' и *tuamo* 'мать', *tuatto* 'отец'). По данным вепсолога Н. Г. Зайцевой, в современном вепсском языке слова *ižä* и *emä* используются только для обозначения пола животных, при этом применимо к человеку, исключительно в основах рассмотренных терминов заместительного родства, они встречаются практически повсеместно, что подчеркивает значимость данных лексем в языке.

В карельских диалектах встречается лексема твер. *tytärlendämä*, ливв., люд. *tytärlendäm* (< *tytär* 'дочь') 'падчерица'. Фонетические варианты слова известны также в юго-восточных говорах финского языка, в ижорских и водских диалектах. По одной из гипотез финляндских ученых, *lentämä* возводится к форманту *läntä*, означающему в составе сложных прилагательных 'уменьшение в свойстве, выраженном в корневом слове', и связывается с основами слов *emintimä* 'мачеха', *isäntimä* 'отчим', *pojintima* 'пасынок' и др.⁸ По уточненной версии, *lentämä* стало результатом фонетических изменений в развитии слова. Если обратиться к вепс. *tütrindam* (< **tüttärintämä*) 'падчерица', то можно предположить, что начальной формой реконструированного слова могло быть *tüttärintimä* или *tüttärentämä*, которое под воздействием диссоциации преобразовалось в *tüttälintimä* или *tüttälintämä*, а далее – под влиянием народной этимологии – в *tytärlentämä*⁹. Действительно, в народном представлении формант *lentämä*, выступающий в словах типа твер. *tytärlendämä* 'падчерица', фин., ижор. *sisarlentämä* 'сводная сестра', соотносится с глаголом с. к. *lendyä*, фин. *lentää* 'летать' и связывается с некой «половинчатостью», «залетностью» образа сводной родственницы, что становится понятным после бесед с информантами и знакомства с финскими интернет-публикациями.

За разнообразием лексики заместительного родства в прибалтийско-финских языках стоит в том числе их словообразовательная гибкость. Так, лексемы, соответствующие терминам *пасынок*, *падчерица*, образуются не только суффиксальным способом (ливв. *pojindam*, люд. *tytrindam*), но и посредством словосложения, при этом в языке закрепились варианты терминов родства, образованных как от глагола ливв., с. к. *ottua*, люд. *ottada* 'брать' (*ottopoigu*, *ottopoika* 'приемный сын', с. к. *ottotytär* 'приемная дочь'), так и от слова *puoli* (с. к. *poikapuoli* букв. 'замещающий сына').

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ СИРОТЫ И ЛЕКСЕМА *ARMO*

Для обозначения ребенка-сироты в диалектах карельского языка фиксируются эмоционально окрашенные лексемы с основой на *armo*, воспринимаемые современными носителями языка как поэтические.

Слово *armo* с говоров собственно карельского наречия переводится как 'жалость', 'ласка', 'любовь', 'милость'. Семантика любви, уважения, заботы во всех наречиях карельского языка передается в том числе через производные от основы *armo* лексемы *armaS* 'дорогой', 'любимый', 'милый', с. к. *armollini*, ливв. *armahalline* 'милосердный', *armaStua* 'ласкать', 'любить', 'жалеть' (с. к. *armahuttua* 'любить', 'жалеть') и др. В ливвиковском наречии карельского языка, как и в вепсском языке, одним из значений слова *armo* (вепс. *armod*) является 'родительская любовь', та же семантика наличия / отсутствия родительской любви прослеживается в его производных в других карельских наречиях: ливв., люд. *armotoi* 'осиротелый', 'сирота', с. к. *armotoin* (в одном из значений) 'беспризорник', 'сирота'. В прибалтийско-финских языках для обозначения ребенка-сироты используется та же словообразовательная модель: инг. *armoto*, вепс. *armotoi* (*laps*) и т. д.

Интересно, что в собственно карельском наречии, согласно Словарю собственно карельских говоров Карелии, производные лексемы *armo* в семантическом отношении несколько отделились от выражения только родительской любви и милости. Так, слово *armotoin* обладает также значениями 1) 'лишенный любви', 'несчастный' и 2) 'жестокый', 'немилосердный'¹⁰. При этом в том же словаре приводятся примеры на лексему *armo* и производную от нее, в которых субъектами действия выступает один из родителей: *tuatopuoli oli armotoin, lapšet varatti häntä* 'отчим был жестоким, дети боялись его'; *muamotta ei ole armuo* 'без матери нет ласки'¹¹. Вероятнее всего, первоначальным значением лексемы *armo* во всех наречиях карельского языка было 'родительская любовь', которое в многочисленных производных со временем развилось до обозначения человеческого милосердия и любви вообще. В подтверждение этого отметим, что в тунгудском говоре собственно карельского наречия за лексемой *armolaizet* сохранилось значение 'родители'¹², а в словаре карельского языка ливвиковского наречия Г. Н. Макарова вторым значением слова *armo(ine)* значится 'родитель-бабушка' с пометой «поэтическое»¹³. Кроме того, лексемы с. к. *armoseni*, ливв. *armoizeni* выступают в языке карельских плачей, согласно терминологии А. С. Степановой, метафорической заменой¹⁴ терминов *мать*, *отец*, *родители*, так, примером двусоставной метафорической за-

мены термина *отец* в плачах Средней Карелии является *kuulu armozeni* 'знатный мой милостливый' [3: 132].

К рассматриваемой лексико-семантической группе «ребенок-сирота» можно отнести понятие «подброшенный ребенок». В ливвиковском наречии оно представлено лексемой с нейтральной коннотацией *löydölapsi* < *löydiä* 'находить' + *lapsi* 'ребенок', что можно буквально перевести как 'найденный ребенок'. По аналогичной модели (глагол + лексема *ребенок*) в собственно карельских и ливвиковских диалектах образована лемма *heittolapsi* < *heittyä, heittiä* 'бросать' + *lapsi* 'ребенок', что буквально означает '(под)брошенный ребенок'. В данном слове коннотация смещается: в глаголах с. к. *heittyä*, ливв. *heittiä*, представленных первой частью сложного слова, содержится оттенок значения некоторой преднамеренности действия. По мнению ономастов ИЯЛИ КарНЦ РАН, название деревни Гейтойла (*Heittoilu*) Олонецкого района Республики Карелия произошло от прозвища первопоселенца, который, видимо, был подкидышем, или его родового прозвания (то есть подкидышем мог быть основатель рода), поскольку топоним образован по традиционной номинативной модели «имя / прозвище / патроним» (*Heitto*) + локативный суффикс *-lu* со значением 'место поселения' [1: 174].

ОБРАЗ СИРОТЫ VS ОБРАЗ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОГО

Следует отметить, что, хотя образ ребенка-сироты указывает на факт отсутствия одного или обоих родителей, все же в традиционной культуре он не коррелирует с образом незаконнорожденного. Дело в том, что при сосуществовании в народном сознании мифологических верований и религиозных устоев христианства внебрачный ребенок, с одной стороны, лишен духов – покровителей рода родителей (ср. рус. *половинкин сын*), с другой – его зачатие и рождение не благословлено церковью, а, значит, приход в мир такого ребенка по народным представлениям ошибочен, греховен, расходится с традиционными нормами [2]. Поэтически о зачатии и рождении незаконнорожденного в карельском языке говорят так: *tuulel tuodu, ahaval ajettu* 'ветром принесен, сухим, холодным пригнан'¹⁵, образ семантически соотносится с нежелательностью, невостребованностью, неприкаянностью, на которые обречен такой ребенок, что семантически отразилось в некоторых лексемах (напр. ливв. *äbäre* 'внебрачный ребенок' > герм. *abara* 'что-то поздно зародившееся'; отсюда *äpärvuona* 'ягненок, родившийся в конце лета или осенью', *äpäre* 'отáva' и др.) [7: 458]. Напротив, положение ребенка-сироты в традиционном осмысле-

нии не порицается и заслуживает сочувствия, что доказывает лексика, среди которой встречается не только семантически нейтральная, но также образная, представленная лексемами из поэтической речи, о чем говорилось выше. Кажется логичным, что различию в восприятии внебрачного ребенка и ребенка-сироты в традиционном мировоззрении не в последнюю очередь способствовало христианство.

ВЫВОДЫ

Лексико-семантическая группа «сирота, приемный ребенок» в карельском языке довольно обширна и представлена как односоставными (например, ливв. *orboi* ‘сирота’), так и двусоставными лексемами (например, с. к. *ottopoika* ‘приемный сын’). С точки зрения словообразовательного потенциала прибалтийско-финских языков интересным феноменом представляется существование ряда именований с суффиксом *-(in)timA*, *-(in)dAm*, *-(in)dim*, маркирующим термины заместительного родства (люд. *poigandam* ‘па-

сынок’, с. к. *tytärtimä* ‘падчерица’ и др.). Большая часть лексем рассматриваемой ЛСГ обладает нейтральной коннотацией, однако заслуживает отдельного внимания эмоционально насыщенная группа слов с основой *armo*, которая в одном из значений связана с родительской заботой и любовью (напр., ливв., люд. *armotoi* ‘сирота’) и в современном языке соотносится с поэтической речью. Доминирующим аспектом, прослеживаемым среди данной части слов ЛСГ «сирота, приемный ребенок», становится мысль о сочувствии к ребенку, лишенному родительской заботы и любви, в отличие от лексики, маркирующей образ незаконнорожденного, которая часто представлена метафорами с семантикой ненужности или бесполезности. Более цельным языковой образ ребенка-сироты становится не только при использовании лексикографических работ по карельскому и родственным ему языкам и полевым наблюдениям, но и при обращении к фольклорным, этнографическим, топонимическим и другим материалам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лексико-семантическая группа – объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения. Например, к ЛСГ «глупец» можно отнести слова с. к. *hupetti*, *hölmö*, *höperö*, *tupičča*, *älviskö* и др.
- ² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
- ³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
- ⁴ Словарь собственно-карельских говоров Карелии – *Karjalan varšinaismurtehien šanakirja* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко; Под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. 350 с.
- ⁵ *Lyydiläismurteiden sanakirja. Päätoimittaja: J. Kujola. Helsinki, 1944. 534 s.*
- ⁶ *Vadja keele sõnaraamat / Toim. S. Grünberg. Tallinn, 2013. 1824 lk.*
- ⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 245.
- ⁸ Ojansuu, Heikki A. *Pari sukulaisuusnimeä. 1. Emä, emo. 2. Tytärtentämä tytärpuoli // Virittäjä. 1903. Vol. 7, № 1. S. 92–95.*
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Словарь собственно-карельских говоров Карелии – *Karjalan varšinaismurtehien šanakirja* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. С. 27.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 22.
- ¹⁴ Метафорическая замена – термин, предложенный исследователем русских причитаний К. В. Чистовым и подразумевающий устойчивые метафоры, заменявшие, в частности, термины родства при обозначении участников похоронного или свадебного обряда. См., например, *Причитания* / Вступ. ст. и примеч. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960. С. 13.
- ¹⁵ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 245, 16.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вепс. – вепсский язык
 вод. – водский язык
 герм. – германское слово
 ижор. – ижорские диалекты
 инг. – ингерманландские диалекты
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 ЛСГ – лексико-семантическая группа
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 с. к. – собственно карельское наречие карельского языка
 флк. – фольклор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Захарова Е. В. Ливвиковские деревни от А до Ä: Словарь названий населенных мест / Под общ. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 350 с.
2. Пеллинен Н. А. Образ незаконнорожденного ребенка в карельском языке // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 12 (48) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.43> (дата обращения 08.01.2026).
3. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
4. Толстая С. М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы: Лекция // Фольклор и пост-фольклор: структура типология, семиотика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения 15.01.2026).
5. Pitkänen Kaarina. «Suomen kielen suurin rikkaus ja ihanin ominaisuus»: Elias Lönnrotin johto-oppia // *Virittäjä*. 2005. Vol. 109, № 1. S. 52–82.
6. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 2 osa. Helsinki, 1995. 470 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 3 osa. Helsinki, 2000. 504 s.

Поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Nataliya A. Pellinen, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow,
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5648-6877; nataliapellinen@mail.ru

THE LINGUISTIC IMAGE OF AN ORPHAN IN KARELIAN DIALECTS

Abstract. The paper analyzes Karelian lexical units associated with the image of an orphan from an ethnolinguistic perspective. Using techniques of etymological and comparative analysis and methods of linguistic reconstruction, the author attempts to understand the nature of direct nominations (e. g., *orbo* (orphan) or *tuattoapuoli* (stepfather)), as well as the mechanisms of semantic transfer in poetic allegories (e. g., *armotoi* (deprived of parental affection)). The author discusses the origin and productivity of the suffixes *-(in)tim(A)*, *-(in)dAm*, *-(in)dim* in derivation of substitutive kinship lexical items. The lexicon analysis draws on data from dictionaries of Karelian and related languages, author's field observations, phraseology, toponymy, and folklore texts. The analysis confirms that the word-formation patterns of the lexical-semantic group "orphan" in Karelian and other Baltic-Finnic languages share a common origin. An important aspect of understanding the linguistic image of an orphaned child is the sympathy for their fate seen in the way they are named, as opposed to the image of an illegitimate child.

Key words: Karelian language, ethnolinguistics, word formation, linguistic image, orphan child

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000089-4 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pellinen, N. A. The linguistic image of an orphan in Karelian dialects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):38–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1364

REFERENCES

1. Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., Zakharova, E. V. Livvik villages from A to Ä: a dictionary of place names. (I. I. Mullonen, Ed.). Petrozavodsk, 2025. 350 p. (In Russ.)
2. Pellinen, N. A. The image of an illegitimate child in the Karelian language. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;12(48). Available at: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.43> (accessed 08.01.2026). (In Russ.)
3. Stepanova, A. S. Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations. Petrozavodsk, 2004. 304 p. (In Russ.)
4. Tolstaya, S. M. Ethnolinguistics: current state and prospects: Lecture. *Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (accessed 15.01.2026). (In Russ.)
5. Pitkänen, K. "Suomen kielen suurin rikkaus ja ihanin ominaisuus": Elias Lönnrotin johto-oppia. *Virittäjä*. 2005;109(1):52–82.
6. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja). 2 osa. Helsinki, 1995. 470 s.
7. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. (U.-M. Kulonen, Päätoimittaja) 3 osa. Helsinki, 2000. 504 s.

Received: 9 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026